

Николай Дарьков

Седьмой в списке расстрелянных

В разгар лета 1936 года секретарь Томского горкома ВКП/б/ С.З. Куравский* получил совершенно секретное закрытое письмо ЦК ВКП/б/, которое называлось "О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока". В письме говорилось о раскрытии органами НКВД в целом ряде городов страны террористических групп троцкистов и зиновьевцев, которые якобы "всю свою вредительскую деятельность против партии и правительства сосредоточили главным образом на организации террористической работы и осуществлении террора в отношении виднейших руководителей партии и в первую очередь в отношении товарища Сталина".

Следуя указаниям ЦК, Куравский — один из верных сталинских провинциальных функционеров — вместе с руководством городского отдела НКВД, еще ранее получившим соответствующие указания, энергично принялись за поиски и искоренение "замаскировавшихся врагов партии и рабочего класса". В спешном порядке организовывались собрания и митинги на тему "О революционной бдительности". Местную печать захлестнула волна обличающе-гневных публикаций. Усилились аресты.

* Куравский Саул Зиновьевич /1891 - ?/ — уроженец Киевской области. Состоял в еврейской мелкобуржуазной националистической организации "Бунд", затем вступил в ВКП/б/. Во время первой мировой войны более трех лет находился в плену. В годы гражданской войны был военкомом полка, бригады. Затем — на партийной работе в Киеве, Керчи, Курске, Томске. После освобождения в 1937 г. с поста первого секретаря Томского горкома ВКП/б/ — на преподавательской работе. В 1950 г. арестован органами МВБ и исключен из партии "за правотроцкистскую деятельность". Дальнейшая судьба неизвестна.

Клеймы "троцкистско-зиновьевских извергов", выступавшие чаще других упоминали, наряду с Зиновьевым, Каменевым, и фамилию И.Н.Смирнова. Говорили ли что-нибудь она томским организаторам "охоты на ведьм"? Знали ли они, что один из руководителей испеченного на грязной сталинской кухне "контрреволюционного блока" Иван Никитич Смирнов несколько лет провел в Томске и Нарымском крае? Думаю, вряд ли. Для этого надо было знать историю своего края, историю революционного движения. А до истории ли было функционерам середины 1930-х годов, фанатично борющимся за генеральную линию партии в окружении внешних и внутренних врагов? Зачастую выдуманных. Таких, как "яркий троцкист" И.Н.Смирнов, тогда же произведенный в "заместители Троцкого в Советском Союзе". Со всеми, как говорится, вытекающими отсюда последствиями, о которых нетрудно догадаться, если вспомним, что до недавнего времени понятие "троцкист" было синонимом "врага народа". Рассказывают, как один преподаватель в лекциях по истории, упоминая Троцкого, неизменно понижая голос, отглядывался и добавлял: "не к ночи будь сказано". Как при упоминании верующими сатаны.

Надо ли говорить, что за пять десятилетий многое было сделано для того, чтобы опорочить и забыть имя Ивана Никитича, о котором помнили разве что немногие уцелевшие от репрессий родственники да историки-профессионалы. Свежие ветры хрущевской оттепели всколыхнули было траву забвенья над затерянными могилами троцкистов, зиновьевцев, правых уклонистов да так и затекли где-то в болоте застои. И лишь с июля 1988 г. после реабилитации И.Н.Смирнова в судебном порядке появилась возможность рассказать о нем правду.

Родился Иван Никитич на Рязанщине в 1881 г. Сын разорившегося крестьянина, он с ранних лет становится рабочим одной из московских фабрик, вступает здесь в социал-демократический кружок. Вскоре последовал первый арест, а затем по приговору царского суда два года тюрьмы и пятилетняя ссылка в Иркутскую губернию. Правда, спустя все-

го лишь восемь месяцев молодой революционер, полный сил и энергии, бежал. Нелегальная партийная работа чередовалась с новыми арестами. К моменту Февральской революции за плечами И.Н.Смирнова было уже около десяти лет пребывания в царских тюрьмах и ссылках. Почти треть жизни.

Последней и самой продолжительной оказалась Нарымская ссылка. Генерал-губернатор Восточной Сибири ^{граф А.П.} Игнатьев в одном из своих верноподданнейших докладов одиозной обрешки: "Ссылка есть особый вид медленной смертной казни". Нарымская в этом отношении не была исключением. Попал сюда Иван Никитич после ареста в июне 1910 г. за революционную деятельность в столице Российской империи, где он работал партийным организатором Петербургской стороны.

Но и в ссылке Смирнов ищет любые возможности для продолжения партийной работы. Здесь он встречает немало своих единомышленников, обсуждает планы дальнейшей борьбы. В мае 1912 г. было положено начало деятельности нарынской краевой организации ссыльных-большевиков. В лесу под Нарымом состоялся нелегальный краевой съезд. Со всеми предосторожностями, избегая встреч с местными жителями и тем более с полицейскими чинами, пробирались сюда участники съезда. Делегацию колпашевских политссыльных, более ста верст добравшихся на лодках, возглавлял И.Н.Смирнов. Двое суток в небольшой лесной избушке продолжался этот съезд. Одним из главных был вопрос об избрании центрального бюро для координации побегов. Вместе с М.М.Лашевичем[№] и другими товарищами в бюро вошел и Иван Никитич.

[№] Лашевич Михаил Михайлович /1884-1928/ - член Коммунистической партии с 1901 г., революционер-профессионал. Вел нелегальную работу в Петербурге, Одессе, Николаеве, Екатеринбурге. Отбывал ссылку в Нарымском крае. В 1915 г. несколько месяцев сидел в томской тюрьме. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Впоследствии - на командных должностях в Красной Армии. Был заместителем наркома СССР по военным и морским делам. Возглавлял Сибирский революционный комитет, командовал войсками Сибирского военного округа. Погиб в автомобильной катастрофе. /Прим. автора/.

Долгое время он был организатором побегов. Да и самому удалось, обманув бдительных стражников, покинуть Сибирь. Произойти это спустя полтора года после водворения. Однако летом 1913 г. последовал новый арест, на этот раз в Харькове, и возвращение в Нарышский край. Потом был еще один эпизод свободы и третье свидание с глухими приобшили краем лесов и болот — этой тюрьмой без решеток, как называли ссылку. Закончилась она осенью 1916 г. неожиданным призывом в царскую армию.

В начале 1930-х годов и без того солидный тюремный стаж Ивана Никитича заметно пополнился. Только теперь он оказался в сталинских стенах. Можно себе представить, что испытывал старый революционер, оказавшись на шестнадцатом году Советской власти за решеткой. По иронии судьбы, а может быть, так было угодно генсеку, И.Н.Смирнова арестовали в первый день нового 1933 года, в первый день второй пятилетки. Начавшись с единичных арестов, пятилетка эта завершилась, как известно, девятим валом массовых репрессий. Штурмовщина была тогда не только в экономике...

По обвинению в антисоветской деятельности Иван Никитич был осужден к пяти годам тюремного заключения. Между тем, немногие члены большевистской партии сделали столько для создания и укрепления советского строя, сколько "антисоветский деятель" Смирнов. Первый опыт практической работы в совете он приобрел как раз в Томске. Произойти это так.

Оказавшись новобранцем запасного полка томского гарнизона, Иван Никитич вместе с другими политссыльными возглавил подпольную революционную организацию, получившую название "Военно-социалистический союз". Члены "Союза" внесли решающий вклад в победу буржуазно-демократической революции в Томске.

В первых числах марта 1917 г. здесь создается первый орган власти трудящихся — Томский совет солдатских депутатов. И.Н.Смирнов

единогласно избирается в его исполнительный комитет, а спустя несколько месяцев становится во главе совета. Прекрасный организатор, опытный пропагандист, оратор Иван Никитич был хорошо известен и популярен в "Сибирских Афинах". "Когда он на трибуне, его с удовольствием слушают даже противники", — писала местная газета.

Первого августа 1917 г. И.Н.Смирнов выехал в Москву.

Впоследствии он не раз вспоминал о времени, проведенном в Сибири. Нанес чата даже статью в историческом журнале о нарвской ссылке. Да и можно разве было забыть эти годы своей революционной молодости. Своих друзей. Все то — светлое и трагическое, грустное и смешное. Ну, хотя бы ту же работу в артели, созданной политссыльными для заготовки кедровых орехов в тайге на Васюгане. Вырученные от их продажи деньги могли стать хорошим подспорьем в быту, пригодились бы и для очередного побега.

Трудились с утра и до вечера. Уставали настолько, что и ночной сон не освещал. "Многие бредили, вскакивали вприсонках, — вспоминал позднее член этой артели В.М.Косарев, — Вася Рейзин однажды вскочил, схватил рядом с ним лежавшего Яковлева и стал его приспособлять на загорбок так, как он днем носил мешки с пшеницей. Яковлев проснулся и никак сразу не мог понять, что с ним хотят сделать и где он находится... Иногда из-за пустяков возникали ссоры, но из бед неизменно выручал Иван Никитич. Он хороший знаток русской истории и литературы. Когда замечал нервное состояние, то старался рассказать что-нибудь смешное, чем неизменно рассеивал ступившуюся атмосферу".

Пройдет всего лишь полтора года и Николай Николаевич Яковлев, бывший бесправный нарвский политссыльный, станет президентом Советской Сибири. До конца оставаясь на посту председателя Центрального исполнительного комитета Советов Сибири, он будет сражен бело-бандитской пулей осенью 1918 г. в далекой Олекминской тайге в Якутии. Владимир Михайлович Косарев возглавит Омский совет рабочих и

крестьянских депутатов, впоследствии войдет в состав Центральной Контрольной Комиссии, Президиума ЦКК ВКП/б/ и скончается в 1945 г. А самый молодой из них - Вася Репин закончит свой жизненный путь в звании генерал-лейтенанта, пройдя через фронты гражданской и Великой Отечественной войн.

Ивану же Никитичу была уготована совсем иная судьба. А все потому, что он позволил "сметь свои суждения иметь". В то время как после смерти В.И.Ленина всякое свободомыслие в партии и стране стало преследоваться. И чем дальше, тем все более жестоко. Под флагом борьбы за единство партии "сталинская фракция", как ее называли находившиеся в оппозиции коммунисты, каленым железом выжигала из ВКП/б/ ^{"краснолу"} ~~всякое инакомыслие~~. И горе было тем, кто заблуждался, ошибался и тем более упорствовал в защите своих взглядов. А что уж говорить о бросивших взор режиму личной власти. Именно к их числу и принадлежал И.Н.Смирнов.

К тому времени, т.е. в середине 1920-х годов Иван Никитич становится видным партийным и советским работником, народным комиссаром. Происходит это при непосредственном участии В.И.Ленина. Владимир Ильич считал возможным доверить И.Н.Смирнову важнейшие посты, поручал выполнение многих ответственных заданий. Летом 1918 г., когда Советская Республика оказалась в кольце фронтов, на заседании Совнаркома, состоявшемся под председательством В.И.Ленина, Иван Никитич был назначен членом Реввоенсовета Восточного фронта. Длительное время он входил в состав Реввоенсовета 5-й армии, с частями которой участвовал в освобождении Сибири от колчаковщины. А в августе 1919 г., когда создается Сибирский революционный комитет - высший орган советской власти в этом обширном крае - становится еще и его председателем. В том же году на VIII съезде РКП/б/ Иван Никитич избирается кандидатом в члены, а на IX - членом Центрального Комитета партии.

В начале 1920 г. Иван Никитич снова побывал в Томске, только что

освобожденном от белогвардейцев. Отсюда была направлена 18 января телеграмма повстанцам и партизанам Восточной Сибири с призывом об аресте Колчака. Первой на телеграмме стояла подпись И.Н.Смирнова. Одновременно он руководит операцией по возвращению золотого запаса Советской Республики, захваченного белогвардейцами в Казани.

Заслуги Ивана Никитича в гражданской войне были отмечены высшей наградой — орденом Красного Знамени.

Владимир Ильич высоко ценил Смирнова, видел в нем хорошего организатора, ценного практического работника. И это — несмотря на расхождение с Лениным по некоторым вопросам социалистического строительства. В Полном собрании сочинений В.И.Ленина содержится более двух десятков телеграмм И.Н.Смирнову по самым разнообразным вопросам. В свою очередь, сам Владимир Ильич внимательно читал все сообщения, письма, телеграммы, получаемые от Смирнова. На многих из них имеются ленинские пометки, резолюции. Кроме того, Иван Никитич не раз был на приеме у В.И.Ленина, беседовал с ним.

В марте 1922 г., получив тревожные сообщения о политической обстановке в Сибири, В.И.Ленин пишет Л.Б.Каменеву и И.В.Сталину: "Прошу обратить внимание на сообщения Дзержинского о Сибири. Опасность в том, что с сибирскими крестьянами наши не сумеют поладить чрезвычайно легко и грозно... Думаю, что надо обсудить вопрос о посылке в Сибирь не позже чем в начале лета Ив.Н.Смирнова. Он будет, конечно, чрезвычайно сильно сопротивляться, но если не найдется иной кандидат, знающий и Сибирь, и военное дело, способный наверняка не растеряться при трудном положении, то я думаю, что послать Смирнова будет абсолютно неизбежно".

В примечании к этому письму, опубликованному в 52 томе Полного собрания сочинений, говорится, что "на нем имеется пометка И.В.Сталина о его несогласии с предложением В.И.Ленина". Деталь эта при-

бретает злобный смысл в свете дальнейшей судьбы Смирнова, когда соратник Ильича оказался на скамье подсудимых, а затем и в камере смертников. Оппонент Ленина мог занимать высокие посты и пользоваться уважением вождя. Оппонент Сталина оказывался за решеткой, превращался в лагерную пыль.

Что же привело Ивана Никитича в середине 1920-х годов в ряды оппозиции? Искал ли он каких-либо выходов для себя, оказавшись среди левачки настроенной части партийного и советского руководства? Стремился ли удовлетворить честолюбивые замыслы как Л.Д.Троцкий? Или Г.Е.Зиновьев с Л.Б.Каменевым?

Думаю, вряд ли. Во всяком случае не это было определяющим в его позиции. Смирнов никогда не боялся открыто высказывать свои суждения, сомнения, несогласие по тем или иным вопросам. Ни до революции ни после. Имел организаторский талант, большой опыт практической работы, Иван Никитич не был теоретиком, что затрудняло, видимо, для него поиск наилучшего решения и приводило порой к ошибкам, заблуждениям.

В ходе внутрипартийной дискуссии середины 1920-х годов Смирнов выразил несогласие с курсом Центрального Комитета по вопросу об отношении к крестьянству, к формам и методам проведения индустриализации. Здесь он выступил сторонником неоправданно жесткой линии, бо "смелого, революционного" решения задач развития социалистической индустрии. Иван Никитич разделял требования оппозиции накануне XV съезда РКП/б/ об изъятии у зажиточной верхушки деревни /а это 10 % крестьянских дворов/ "в порядке займа не менее 150 млн. рублей клада". Выступая на партийной конференции Роговско-Симоновского района Москвы в ноябре 1927 г., он говорил о необходимости направить большую часть государственного бюджета "по линии промышленности, потому что лучше претерпеть нам разлад с середняком, чем идти к неизбежной гибели". Это был в известной степени отход от ленинской концепции непе-

за что Смирнов подвергся справедливой критике. Впрочем, сам И.Н.Смирнов отнюдь не был чужд поискам совместного разумного компромиссного решения по обсуждавшимся вопросам. "У нас нет больших принципиальных разногласий", — обращался он к делегатам упомянутой конференции, ~~Другой вопрос — хотели ли~~ однако понимания не встретил. Правда, не пройдет и трех месяцев, как Сталин и его сторонники сами прибегнут к политике внеэкономического принуждения по отношению к крестьянству, отбросив собственные решения и "перетроцкистив" троцкистов.

Такая позиция И.Н.Смирнова, как и многих других коммунистов, уходила, видимо, своими корнями в период гражданской войны, в политику "военного коммунизма", активными проводниками которой они были. Эта политика породила ошибочные, но довольно живучие иллюзии относительно того, что "военнокоммунистические" методы можно с успехом использовать и в условиях мирного социалистического строительства.

Резкий протест И.Н.Смирнова и его единомышленников вызвал кулуарную "сталинскую фракцию" на свертывание внутрипартийной демократии и в целом демократии в советском обществе. Такой курс объективно противоречил развитию страны по пути нэпа, создавая благоприятные условия для формирования режима личной власти. Зная историю последующих десятилетий, надо не только признать правоту участников оппозиции в этом вопросе, но и поставить им в заслугу борьбу с нарождавшимся сталинизмом. Они были в набаб, предупреждая партию о пагубности такого курса.

Острые своего удара оппозиционеры закономерно направляли против Сталина — главного носителя и выразителя тенденции тоталитаризма. Они настойчиво пытались обратить внимание партии на диктаторские инстинкты, на беспринципность генсека. "В области организационной, — говорилось в одном из документов оппозиции, — фактическое подчинение

Политбюро секретариату, а секретариата - генеральному секретарю уже давно является свершившимся фактом. Оправдались худшие опасения высказанные Лениным в его завещании относительно того, что тов. Сталин не будет достаточно партийно пользоваться той несомненной властью, которую он сосредоточил в своих руках".

Однако большая часть тогдашнего партийного руководства не только не котала, но и всячески мешала рядовой партийной массе слушать эти обоснованные предупреждения, расценив их как "злостную и гнусную клевету на всю партию и на тов. Сталина", как "травлю генерального секретаря партии" и т.п. Для скольких из них такая политическая близорукость обернулась вскоре трагедией!

Что же касается "травли", то, пожалуй, справедливее было бы говорить о ней по отношению к оппозиции. Последней было запрещено обрисовывать ее политическую платформу накануне XV съезда ВКП(б). Оппозиционеров не пускали на собрания ячеек, ограничивали в праве выступить на предсъездовских партийных конференциях, а если предоставляли трибуну, то для того, чтобы шумом, криками согнать с нее, и дав зачастую договорить до конца. Обструкцию ораторам нередко устраивали специально подготовленные группы коммунистов. "Долой!", "Во Раскольники!", - неслось из возбужденного зана при появлении на трибуне представителя оппозиции. Так, выступление Ивана Нимичича на конференции Роговско-Симоновского района Москвы от начала и до конца сопровождалось криками, шумом, оскорбительными возгласами. Между тем, в газетном отчете об этом было упомянуто мимолетно одной строкой, что "речь вызвала шумные протесты".

В отчетах о предсъездовских собраниях и конференциях, поступающих в ЦК и Сталину, гораздо откровеннее рассказывалось о такого рода "шумных протестах". Вот что, в частности, сообщал П.П.Постышев, секретарь Харьковского окружного комитета партии, о выступлении участника оппозиции Х.Г.Раковского на расширенном заседании Харьковского

*) Постышев Павел Петрович, р. в 1887 г., чл. партии с 1904, чл. ЦК ВКП(б) с 1927 г., член Политбюро с 1934 г. Расстрелян в 1939 г.

**) Раковский Христиан (1873-1941), деятель социал-демократического движения в Балтии, чл. ЦК ВКП(б) с 1920 по 1925 г. Видный троцкист. Остаток жизни провел в ссылке.

горсовета в те же ноябрьские дни 1927 г. Не успел Раковский встать на трибуну, как трагическое собрание подняло невероятный крик и рев. "Активка коммунаров, -- хвалился Постышев, -- была подготовлена, но беспартийная масса самым некрепким образом гнала Раковского с трибуны... Не только массам, но и нам трудно было сохранить спокойствие духа. Раковский -- бывший председатель Совнаркома /Украины -- Н.Л./ -- стоял на трибуне бледный, как полотно... В президиуме сидели представители иностранных делегаций, к которым он обратился с речью примерно такого содержания: "Смотрите, как здесь зашумят и не дадут иностранцам высказаться" и что "здесь воспитывает фашизм", после чего он покинул зал заседания..." То-то был доволен генсек, получая подобные сообщения.

Таков был тогда уровень политической культуры и дискуссии. Оппоненты не хотели и не умели слушать друг друга. Но если бы только этим ограничивалось все дело! Резкое сужение внутривнутрипартийной демократии вызвало ответные шаги со стороны оппозиции. Стремясь донести свои взгляды до широких рабочих и партийных масс, сторонники оппозиции организовали нелегальное печатание и распространение материалов, в том числе своей платформы, а также ленинского "Письма к съезду". Одну из типографий пытались создать под Москвой старые боевые товарищи И.Н.Смирнова по гражданской войне К.И.Гринштейн -- член партии с 1904 г. и Катя Федорова. Вместе с К.И.Гринштейном Иван Пилипич работал в Революционном штабе 5-й армии. Катя же Федорова была ответственной связной-комполитницей. По заданию Сибирского бюро ЦК РКП/б/, одним из руководителей которого являлся тогда И.Н.Смирнов, она не раз переходила линию фронта, доставляя сибирским коммунистам в глубокий белоэвардеевский тыл инструкции, деньги, информацию о положении дел в Советской Республике. В марте 1919 г. Федорова побывала и в Томске.

В свою очередь, "сталинская фракция" в борьбе с оппозицией ис-

пользовала не только всю мощь послушного уже к тому времени партийного аппарата, но и органы ОГПУ. Тем более, что в Уставе ВКП/б/ имелась для этого лазейка. В разделе "О партийной дисциплине", в частности, говорилось: "Неисполнение постановлений высших организаций и другие проступки, признаваемые преступными общественным мнением партии, влекут за собой: ...исключение из партии с сообщением о проступке административным и судебным властям" / подчеркнуто мною - Н.Л./ . Причем некоторые руководители Центральной Контрольной Комиссии ВКП/б/ весьма вольно толковали этот и без того недемократичный пункт. Так, член Президиума ЦКК Е.М. Ярославский под эгидой своего имени заявлял: "мы не только можем исключить, но мы можем передать / ! - Н.Л./ таких членов партии административным и судебным властям". Таким образом, создавалась возможность вмешательства карательных органов во внутриведомственные дела. Сталинистам оставалось только добиться признания "общественным мнением партии" тех или иных действий оппозиции "преступными". Но это уже было, как говорится, делом техники.

Оппозиционерам стали, что называется, ставить всякое лыко в строку. Призывы, содежавшиеся в одной из листовок оппозиции: "Долой расстрелы, долой ГПУ, да здравствует рабочая демократия, да здравствует свобода слова, печати и собраний!" квалицировались как белогвардейские. В партии и народе не без успеха соумировалось мнение об оппозиции как о "попытке организовать третью силу", враждебную социализму. Передектирование фактов, произвольная их интерпретация, смещение акцентов в дискуссиях приводили к тому, что рядовые члены партии зачастую не выкашли в суть обсуждаемых вопросов, не понимали их, а в результате были готовы крушить по указке ЦК вообще всех отклонившихся от генеральной линии партии. Рядовая партийная масса была готова к манипулированию ею. Поэтому стоит ли удивляться, встречая в заявлениях вступающих тогда в ряды ВКП/б/ такие слова,

как у токаря одного из ленинградских заводов: "Чувствую, что требуется вступить потому, что наступает обратно белогвардейщина, которых я немало уничтожил".

До репрессий, таким образом, оставался один лишь шаг. И он был сделан. Ряд коммунистов-оппозиционеров оказался за решеткой. Поэтому так лишь уж далеко от истины стояло левое крыло оппозиции, заявленное осенью 1927 г.: "Репрессии против оппозиции накануне съезда означают, что всякому члену партии, который осмелится во время предсъездовской кампании критиковать оппортунистическую линию ЦК, грозит исключение из партии, обыск и арест. ЦК, который на съезде должен дать отчет партии в своей линии, перед самым съездом отдает партию под тиасный и негласный надзор ЦКК и ОГПУ. Это неслыханное издевательство над партией и ее высшим органом - съездом - как нельзя лучше показывает, что путь государственного переворота, на который вступил ЦК, есть вместе с тем и путь ликвидации партии" /подчеркнуто в документе - Н.И./.

Дополнительные козыри в руки "сталинской фракции" дала несколько отчаянная, настолько и неудачная попытка оппозиции организовать в 10-ю годовщину Октября параллельную демонстрацию. Надо ли говорить, что в этих условиях тучи над головой И.Н.Смирнова ступились, а вскоре и грянул гром. Во время праздника в последний раз стоял народный комиссар почт и телеграфов Иван Никитич Смирнов на трибуне Красной площади. Спустя полтора месяца на XV съезде ВКП/б/ он будет исключен из партийных рядов, хотя еще в ходе работы съезда в числе других участников оппозиции подписал заявление о прекращении фракционной деятельности и подчинении партийным решениям. А затем скажут свое слово уже и органы ОГПУ. Бывшие участники оппозиции последуют в ссылку.

В мае 1930 г. И.Н.Смирнов был восстановлен в партии в связи с заявлением о прекращении оппозиционной деятельности. Некоторое вре-

Иван Никитич работал директором Горьковского автозавода. В начале 1930-х годов он не вел активной борьбы против Сталина, хотя, как свидетельствуют факты, по-прежнему оставался его противником. Иван Никитич был знаком с антисталинской платформой М.Н.Рытина, по-прежнему одобрял предложения о снятии Сталина с поста генсека. В кругу друзей он резко критиковал сталинские методы коллективизации. "За это убить мало", - говорил Смирнов. "Помню, - писала впоследствии его бывшая жена А.Н.Сафонова, - Иван Никитич говорил: "Неужели Сталин становится чистым фашистом?" И сам же отвечал: "Нет, это невозможно, его партийное прошлое это исключает".

Такое свободомыслие в ту пору было весьма и весьма опасно и жестоко наказуемо. Дефицита в доносчиках также не испытывалось. В результате Иван Никитич попал уже не в ссылку, а в Суздальский политизолятор.

И.Н.Смирнов провел уже два с половиной года в тюрьме, когда с благословения Сталина в середине 1935 г. Н.И.Езов потребовал усилить преследование бывших троцкистов. В начале следующего года местным органам НКВД была направлена директива: "Немедленно приступите к ликвидации всех... дел по троцкистам и зиновьевцам, не ограничиваясь изъятием актива, направив следствие на вскрытие подпольных к.-р. формирований, всех организационных связей троцкистов и зиновьевцев и вскрытие террористических групп". По указке Сталина начались поиски "троцкистского подпольного контрреволюционного центра". А поскольку такого "центра" в природе не существовало, органам НКВД пришлось его выдумать. На роль "руководителя" этого мифического "центра" решено было определить И.Н.Смирнова. Следовательно начали интенсивную обработку старого революционера, добиваясь от него "согласия" на руководство "центром". Продолжалось это в течение многих недель.

На первых же допросах Иван Никитич отвергает сфальсифицирован-

ные обвинения. Его ответы состоят из одних слов: "Я это отрицаю, еще раз отрицаю". В знак протеста против методов следствия он объявляет 8 мая 1936 г. голодовку, продолжавшуюся 13 дней. Но слишком неравной оказывается эта борьба, слишком изощрены и жестоки следователи, как и те, кто стоял за их спиной. "Даже вертушка НКВД, знавшая коварство и безжалостность Сталина, была поражена той звериной ненавистью, какую он проявлял в отношении старых большевиков, особенно Каменева, Зиновьева и Смирнова. Его гнев не знал границ, когда он слышал, что тот или иной заключенный "держится твердо" и отказывается подписать требуемые показания. В такие минуты Сталин зеленел от злости..." Это свидетельство тогдашнего ответственного работника НКВД Александра Орлова*, отрицающее не по наследству знаменитую пощечку тех драматических событий. И ^{лиць} когда арестовывают дочь-студентку Ивана Никитича, он не выдерживает и в обмен на обещание палачей отпустить ее, дает частичные показания.

Удручающе действует на Ивана Никитича и очная ставка с А.Н.Сафоновой, которая неожиданно стала обвинять своего бывшего мужа в террористических намерениях, просила сознаться в содеянном. В чем? Ведь она прекрасно знала, что Смирнов невиновен, что он принципиальный противник всякого террора.

- Как же ты можешь, Шура, говорить такое, - недоумевал Иван Никитич. И в то же время, наверное, догадывался, что и к Александре Николаевне применены незаконные методы ведения следствия. Так оно и было. С А.Н.Сафоновой беседовал сам секретарь ЦК ВКП/б/ Везов, убеждая ее, что все это делается в интересах партии. И вот она говорит заведомую неправду. Она - активная участница революционного движения в Сибири, активистка антиколчаковского большевистского подполья. Она - побывавшая в конце 1919 г. в колчаковских застенках Томска и Мариинска, не раз избитая карателями до полусмерти и выжившая лишь чудом.

* Александр Орлов (Лев Фельдман), один из руководителей ОГПУ-НКВД, в 1936-38 гг. - советник республиканского правительства Испании, в СССР не вернулся. В 1953 г. в издании "Литературная газета" опубликована книга "Тайная история сталинизма в Испании".

Однако, несмотря на все это, Иван Никитич шлет маленькую возможность противостоят следствию. Не случайно в упоминавшемся выше закрытом письме ЦК ВКП/б/, где обильно цитировались выдержки из показаний Каменева, Зиновьева, Мрачковского, Дрейпера и других, нет ни одной цитаты из показаний И.Н.Смирнова. Его обработка продолжалась вплоть до самого начала судебного процесса.

Да и на самом суде Иван Никитич был, пожалуй, единственным, кто до конца пытался, насколько это было возможно в тех условиях, противостоят потоку лжи и клеветы, обрушившемуся на подсудимых. В газетных отчетах сообщалось: И.Н.Смирнов "накоты и только частично признает свои преступления", "в течение почти трехчасового допроса Смирнов всячески пытается уклониться от прямо поставленных прокурором тов. Вышинским вопросов, пытается умалить свою роль, отрицает свою террористическую деятельность против руководителей партии и правительства". "И.Н.Смирнов не разоружился. Он еще изворачивается. Старый человек, с седой головой, оказывается самым блудливым из всех троцкистов, сидящих на скамье подсудимых, — брызгал чернилами корреспондент "Правды" Д.Заславский^{*)} в своих репортажах из зала суда. — Он кричкотворствует и вьется ужом. Он не признает, что говорил Мрачковскому о директиве террора, полученной от Троцкого. Потом допускает, что говорил. Потом снова не признает. Потом, припертый к стене своими же собственными показаниями на предварительном следствии, признает... Он вызывает к себе презрение. Его уличают во лжи все подсудимые..."

Государственный обвинитель на процессе прокурор СССР А.Я.Вышинский — этот бывший меньшевик, а затем один из сталинских обер-палачей — не скрывал своего раздражения: "Наиболее упорно заирается Смирнов. Признал себя виновным лишь в том, что был руководителем троцкистского подпольного контрреволюционного центра. Правда, он сказал это в несколько импудентической форме. Обратившись к Тер-Ваганяну,

*) Заславский Давид Иосифович (1880-1965), ~~бывший~~ советский публицист, диссидент. С 1928 г. работал в "Правде". Награжден двумя орденами Ленина, многими другими орденами и медалями (в том числе орденом).

Мрачковскому и Дрейперу /проходившим вместе с И.Н.Смирновым по этому делу/, он им сказал: "Вы хотите вождя? Ну, возьмите меня..."

Иван Никитич не хотел бросать тень и на тех, кто уже в ходе судебного процесса попадает в орбиту внимания сталинских прицепников. Они были предусмотрительны, заранее выбирая жертвы для очередных судилищ. На одном из заседаний возникло имя В.К.Путны. "Подсудимый Смирнов, - говорилось в стенограмме суда, - продолжая свою тактику, пытается отрицать факт участия Путны в террористической деятельности троцкистов". Конечно, отказ от дачи ложных показаний на Битовта Казимировича Путну* не мог спасти этого революционера-литовца от репрессий, оборвавших его жизнь в 1937 г. Но зато совесть Ивана Никитича в отношении своего боевого соратника по Восточному фронту была чиста. Также, впрочем, как и в отношении многих других.

"Я-то хоть умру спокойно", - сказал Иван Никитич своей бывшей жене во время последней очной ставки на следствии. Он вряд ли питал иллюзии относительно того, что Сталин сохранит им жизнь.

После пятнадцатичасового судебного спектакля 24 августа 1936 г. в 2 часа 30 минут ночи председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армюенюррист В.В.Ульрих огласил приговор. Что думал Смирнов в эти минуты, когда подошли к концу открытые московские ~~судебные~~ политический процесс - первый из серии отвратительных судебных спектаклей, поставленных Сталиным и его соратниками? Может быть, в какие-то моменты казалось Ивану Никитичу, что все это лишь дурной сон, за которым наступит пробуждение. Вот придет рассвет, прокричат третьи петухи и сгинут оборотни Вилинские, Ульрихи, Матулевичи, Никитченчи... Вся эта нечистая сила, толчущая Великую Революцию, ее идеалы, ее бойцов. Но заканчивалось уже чтение приговора, а ночь все тянулась. Не скоро еще прокричат петухи на Руси. Слишком далеко

*Путна Битовт Казимирович /1893 - 1937/- уроженец Виленской губернии. Член партии с 1917 г. Будучи начальником 27-й дивизии 5-й армии, участвовал в освобождении Сибири от колчаковщины. Впоследствии - на командных должностях в Красной Армии, военный атташе в ряде стран. Расстрелян 12 июля 1937 г. Реабилитирован посмертно. /Прим. автора/.

✓

447... 447...

до рассвета. Целая жизнь.

Все 16 подсудимых были приговорены к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приводился в исполнение в течение суток. Первыми казнены Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменова. Затем остальных. По списку. Смирнов Иван Викентич в списке приговоренных значился седьмым...